

«Кутюр — это фанатизм»

Ульяна Сергеенко и Фрол Буримский об арабских принцессах в вологодском кружеве

Ульяна Сергеенко,
ДИЗАЙНЕР

Фрол Буримский,
КОММЕРЧЕСКИЙ
ДИРЕКТОР

— Вы упомянули о зарубежных изданиях и западных клиентах. Получается, на Западе вас признали раньше, чем в России?

Ульяна: Показав первую коллекцию в Москве, мы отправились на Запад.

— Начать с Запада не было вашей стратегией?

Фрол: Конечно, нет! Так получилось, а дальше мы учились уже на ходу!

Ульяна: Нам везло. Какие-то вещи мы делали интуитивно правильно. Мы начали бренд так залихватски, по-русски, широко. Это был порыв. Показать, что Россия может. Я даже немного скучаю по тому бешащину энтузиазму. Знания мешают мне в определенной степени. Я начинаю себя ограничивать и очень хочу вернуть ту незатуманенность сознания. Из экспериментального цеха мы превратились в серьезное производство.

Фрол: В начале мы были даже в чем-то наглými. Сейчас мы себе этого уже не позволяем. Показать в Париже нам посоветовала Наталья Водянова, после того как мы устроили презентацию в Москве. Нам это казалось авантюрой, но в итоге это была наша победа.

— Семь лет бренду. Что за это время изменилось?

Фрол: Мы из лихого стартапа перешли в совершенно другую бизнес-форму. Бренд прошел серьезную реорганизацию. Теперь мы полноценный дом моды.

Ульяна: Честно говоря, необходимость структурировать бизнес стала для меня серьезной проблемой. Я долго противилась. Мне хотелось, чтобы это был всегда такой цирк, балаган, который путешествует и показывает представления.

— Что вы назвали бы главным достижением за прошедшие семь лет?

Ульяна: Для меня история бренда — это моя личная история. Я переживаю все, о чем мы рассказываем. После нашего первого кутюрного показа в Париже у команды было ощущение эйфории и настоящего успеха. За кулисами мы плакали, обнимались, наша фея-крестная Наталья Водянова сказала трогательную речь. Наверное, именно тогда мы и поверили в свои силы и в то, что все возможно. Сейчас наша общая мечта — это создание первого дома моды haute couture с отечественными корнями. Эта культурная миссия для меня очень важна, ведь вместе с брендом мы можем поддерживать уникальных специалистов.

— Давайте тогда про ошибки за эти семь лет поговорим.

Ульяна: Это надолго (смеется).

Фрол: Сложнее всего нам далось создание команды. Мы изобретали нишу, которой в России, по сути, нет. Искали единомышленников, мастеров, специалистов, конструкторов.

— Сколько человек работает с вами?

Ульяна: У нас очень большое ателье. Сто человек. Старая школа.

Фрол: Есть и молодые специалисты. И когда старая школа начинает бодаться с новой — вот это настоящий творческий процесс. Более опытные специалисты всегда напминают о технологиях и сложностях, молодые приходят с неординарными идеями. Одной из миссий бренда я вижу возрождение традиционных русских ремесел.

— Год назад мы писали о предприятии, где производятся красивейшие вещи, выполненные в технике крестецкой строчки. Какой-то бизнесмен выкупил умирающую фабрику, возродил ее, провел ребрендинг, наладил производство. Заключил контракты с РЖД на поставку салфеточек, нашел частных клиентов и так далее. Сейчас эти вещи продаются очень хорошо. Вы так видите свое будущее?

Ульяна: Очень вдохновляющая история. В начале пути мы мечтали открыть школу кружевоплетения, делать скатерти, но пока идею пришлось отложить...

Фрол: Это то, к чему хотелось бы стремиться. Моя личная гордость, что в иностранной прессе после нашего показа впервые прозвучали слова Елец или Вологда в контексте кружев. Кстати, в Крестце мы нашли частных мастеров и заказали у них рукава для платья. Ждали почти месяц, но получили великолепный результат. В Ростове нашли музей, который собирает ростовское кружево по всей России, — вот бы его восстановить. Там есть специалист по одежде, по пуговицам — у них такая коллекция пуговиц XIX века!

— Изменилось ли что-то за год в отношении народных промыслов в России?

Ульяна: Для меня самыми главными и почетными событиями прошедшего года стали участие дома в открытии постоянной экспозиции во Всероссийском музее прикладного искусства в Москве и на фести-

БЛАГОДАРЯ бренду Ulyana Sergeenko о русских народных промыслах вновь стали писать международные издания. «Это потому, что Фрол пытается журналистов кружевом, и они вынуждены сдать!» — с хохотом объясняет Сергеенко. Натела Поцхверия поговорила с Ульяной и ее партнером Фролом Буримским о русских промыслах и настоящем кутюре.

— Почему в этом сезоне вы решили отказать от формата показа и делать выставку?

Ульяна: Выставка дает возможность рассмотреть вещи вблизи, увидеть каждую деталь, оценить кропотливую работу мастеров. Кроме того, мы готовимся к получению звания официального члена Палаты высокой моды в Париже (на данный момент Ulyana Sergeenko единственный за всю историю русский бренд, который является приглашенным членом), и было важно, чтобы у каждого представителя Палаты была возможность прийти и оценить наши вещи вживую.

— Кристоаль Баленсиага никогда не дарил своих вещей и не делал скидок даже самым любимым клиенткам дома. Вы ввели такое же правило, подражая кутюрье?

Фрол: Я не сказал бы, что это наше правило. Так получилось. Стилисты сами находят нас и берут вещи на съемки. С самого первого сезона мы оказались под пристальным вниманием иностранных изданий и клиентов. Принцесса Бахрейна заказывает у нас одежду с момента основания бренда. Среди клиентов есть известные люди, и сотрудничаем мы на коммерческих условиях. С той лишь разницей, что для друзей бренда мы готовы создавать эксклюзивные эскизы и разрабатывать костюмы для особых случаев.

COURTESY OF ULYANA SERGEENKO

COURTESY OF ULYANA SERGEENKO

COURTESY OF ULYANA SERGEENKO

АКСЕССУАРЫ КОЛЛЕКЦИИ ULYANA SERGEENKO COUTURE, ВЕСНА — ЛЕТО 2018. СЛЕВА: МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ СЕТКА С ВЫШИВКОЙ ШЕЛКОВЫМИ ЛЕНТАМИ. СПРАВА И В ЦЕНТРЕ: БИСЕР

COURTESY OF ULYANA SERGEENKO

КАДР ИЗ ЛУКБУКА ULYANA SERGEENKO COUTURE, ВЕСНА — ЛЕТО 2018